

Жизненный путь личности

Олег Дубровин

ПОГОНЯ ЗА ИЛЛЮЗИЕЙ*

КОРНИ

3. Отец

Слова отца
действуют
магически...

Наступает вечер. Увлёкшись игрой, я забываю обо всём на свете. Напоминание няни о том, что пора спать не оказывает никакого воздействия. То же происходит, когда вмешивается мама. Новые уговоры не приносят плодов. Мне говорят, что придётся обратиться к отцу. Одна из двух моих опекунш делегируется в соседнюю комнату. Появляется отец. Раздаётся короткое, как выстрел: «Сын, спать!» Слова отца действуют магически. Через мгновение я уже в постели.

Подобные картины происходили и тогда, когда мне было уже 13–14 лет. Если я долго задерживался, играя с ребятами во дворе, а на призывы мамы отвечал, что я ещё поиграю, то вскоре в окне появлялся отец и на весь двор раздавался короткий приказ: «Олег, домой». Под иронические реплики друзей я мгновенно исчезал со двора.

Отец был строг...

Отец всегда был строг. Он был строг не только со мной. Он был признанным главой семьи. Его решения и распоряжения были обязательны для всех и всегда выполнялись безропотно и точно. Все начиналось со строгого распорядка дня. Вставали и пили чай в одно и то же время. Рабочий день служащего был регламентирован, поэтому отец уходил на работу и возвращался тоже в строго определённые часы. Обедали поздно часов в шесть вечера. После чая около одиннадцати все ложились спать. На работе с коллегами отец был вежлив, корректен, но сдержан и сух. У нас бывали его знакомые, но редко. Закадычных друзей у него в зре-

* Журнал печатает отрывки из рукописной книги нашего современника Олега Юрьевича Дубровина (1925–2004), капитана I ранга, участника Великой Отечественной войны, участника Парада Победы 1945 года. Продолжение. Начало: Развитие личности. 2004. № 3. С. 156–165.

лом возрасте не было. Строгость отца распространялась и на животных. Одно время отец завёл овчарку, прекрасную, очень умную собаку. Лично сам её дрессировал, и отнюдь не ласка господствовала в этом нелёгком и сложном процессе.

«Запомни, сын, есть нехорошие вещи, которые нельзя себе позволять...»

Я вспоминаю самое раннее детство. Иногда, когда я укладывался в постель, приходил отец, склонялся надо мной, говорил ласковые слова и повторял неоднократно: «Запомни, сын, есть нехорошие вещи, которые нельзя себе позволять. Нельзя ругаться, врать, воровать. Запомни это на всю жизнь».

Вероятно, он повторял мне это довольно часто, поэтому мне очень живо представляется, как он в полумраке склоняется надо мной и говорит именно эти слова. Мне и сейчас представляется, что я слышу его шёпот. От самого отца я никогда не слышал бранного слова, никогда не видел его пьяным. Он был честным и порядочным человеком.

Жизнь его сложилась нелегко, и мне кажется, что тем кем в конце концов он стал, он обязан прежде всего самому себе.

Детство отца

Отец родился в Тамбове в 1895 году. Корни Дубровиных теряются где-то среди тамбовского купечества. Кто-то из родственников деда держал в Тамбове гостиницу. Мой дед, Дубровин Гаврила Иванович, скончался, когда отцу было всего семь месяцев. Его жена, моя бабушка, Ольга Петровна, урожденная Гладилина, происходила из семьи мелких торговцев.

Отец рано стал самостоятельным

Обстановка сложилась так, что отец с ранних лет был в основном предоставлен самому себе. Поступив в гимназию, он недолго задержался в ней. Его формальное образование исчисляется четырьмя классами. Но любознательность, страсти к ранним лет к книгам, энергичный характер делали своё благое дело. Он рано стал вполне самостоятельным. Уже в 1913 году, в возрасте 18 лет, отец был управляющим конным заводом имения «Алексеевка» Покровско-Марфинской волости Тамбовской губернии. Коневодство на всю жизнь стало его любимым делом, его профессией, его второй натурой.

Судьба отца была похожа на тысячи других...

Бурные события периода Первой мировой войны и Гражданской войны, подобно волнам, вырывали людей из привычной обстановки и бросали их в пучину неизвестности, переноса их в другие края и непривычные условия. Судьба отца была похожа на тысячи других. Он вольноопределяющимся отправился на фронт, был легко ранен, потерял палец на правой руке, попал в московский госпиталь на Большой Ордынке, где в то время фельдшерницей работала его мать. По выздоров-

лении, в течение 1916 и 1917 годов работал в этом же госпитале писцом. В 1918 году продолжал жить в Москве. Сменил за это время несколько должностей. Довелось ему быть регистратором в Пресненской районной кассе безработных, журналистом, делопроизводителем. Наконец осенью 1918 года он возвратился в родные края и до 1923 года служил в Тамбове, в Губпродкоме, в различных должностях: помощником секретаря Губпродколлегии, заместителем заведующего транспортным отделом и заведующим гужевым транспортом. Кроме того, в 1919 и 1920 годах одновременно состоял членом особой Тамбовско-Рязанской комиссии по обеспечению Красной Армии конским составом.

В эти же годы отец первый раз женился, но вскоре овдовел. Жена, Нина Павловна, умерла от неудачных родов. 10 мая 1920 года отец зарегистрировал свой второй брак с моей матерью Лидией Андреевной, урождённой Виноградовой.

Моя бабушка Виноградова Анна Александровна была верующей, и условием на разрешение выдачи дочери замуж было требование венчаться в церкви. Согласие со стороны отца на венчание в церкви дорого обошлось ему. Отец был членом РКП(б) и после венчания его исключили из партии.

Жизнь в двадцатые годы была вполне приличной...

В 1923 году мои родители переехали в Москву. С этого времени и до конца дней своих они проживали в столице. Отец, как зоотехник-практик, продолжал работать в области коневодства в различных учреждениях, впоследствии объединенных и поглощенных одним из монстров, который стал называться Министерством сельского хозяйства.

Во второй половине двадцатых годов отец написал книгу «Коневодство и кооперация», изданную в 1929 году. Книга вышла тиражом 5000 экземпляров и была предназначена для крестьян-кооператоров. Она по существу являлась сборником необходимых знаний о лошади и давала ответы на целый ряд повседневных вопросов, возникающих в работе по кооперативному коневодству, как у отдельных коневодов, так и коневодческих товариществ. В то же время это был концентрат практических знаний, приобретённых и накопленных отцом за время его добросовестной работы в любимой отрасли.

Столичная жизнь родителей в годы НЭПа была вполне приличной. Отец получил квартиру, состоящую из трёх небольших комнат и маленькой кухоньки, в мансарде деревянного дома в районе чудесного Петровского парка на берегу пруда.

После тяжелейших лет разрухи, вызванных войнами и революционными событиями, наступил период подъёма. Стало значительно лучше с продовольствием, с товарами ширпотреба, восстанавливалась духовная жизнь. Не знаю, каким образом, но у отца появился даже автомобиль, что для того времени было чрезвычайной редкостью. Очевидно, это была казённая машина, но она была в распоряжении отца, стояла у нас в сарае, который служил одновременно и гаражом.

Помню, что на письменном столе у отца стоял маленький приёмник с наушниками. По тому времени это были признаки неплохого материального достатка. Отец, будучи служащим, мог позволить себе, чтобы в доме на его зарплату жили две не работающие женщины (моя мать и няня) и ребёнок. В эти годы родители были молоды, жизнерадостны, много читали, часто ходили в театры.

В конце двадцатых годов, в связи с индустриализацией и коллективизацией, обстановка резко усложнилась и это сразу сказалось на качестве жизни.

Аресты отца

В ноябре 1930 года на семью обрушилось несчастье. В одну из ночей, когда я спал сном праведника и видел лучезарные сны, к дому подкатил «чёрный ворон» и увёз отца в Бутырскую тюрьму.

Когда утром я вышел погулять, мой семилетний приятель тут же проинформировал меня, что мой отец арестован, и что он оказывается белый офицер. Молва мгновенно облетела соседей и была немедленно интерпретирована. На мою осведомлённость мама отреагировала просто, сказав, что папа уехал в командировку. В течение долгих девяти месяцев на вопросы взрослых, где папа, я отвечал, что он уехал в «город Командировку».

Отца через некоторое время выпустили. Но в 1933 году отца арестовали во второй раз, и он пробыл в неволе четыре месяца.

Оба раза его подозревали во вредительстве. Но, к счастью, и в первом и во втором случае справедливость торжествовала. Дело до суда не доходило. Отец был признан невиновным и восстанавливался на прежней работе. Отец о своих арестах старался не вспоминать. Во всяком случае, ни о каких подробностях никогда ничего не рассказывал.

Когда я был маленьким, отец уделял мне мало времени...

Когда я был совсем маленьким, отец уделял мне мало внимания. Я был полностью на попечении мамы и няни.

В то время у отца были другие интересы. Он считал себя англоманом. Я бы даже сказал, что это была какая-то игра с самим собой. Отец много читал, осо-

бенно любил из иностранной литературы английскую. И, видимо, он старался подражать английскому джентльмену. Свободное время отец проводил на ипподроме – своеобразном клубе любителей лошадей. Между прочим, он никогда в жизни не играл в тотализаторе. И посещения бегов были вызваны не только потребностями пообщаться с профессионалами и поговорить на доступном только им «конно-спортивном» языке, но желанием получить своеобразное эстетическое удовольствие. Одно время отец ходил со стеклом. Внешне он был привлекателен, высок, худощав, строен, с правильными чертами лица. Умел быть учтивым, галантным, обращал на себя внимание женщин, пользовался у них успехом, любил поухаживать и, как мне кажется, не обременял себя излишним пуризмом. Но в обращении с окружающими был сдержан, вежлив, может быть, излишне суховат и слегка чопорен. Видимо, и собаку он завёл, подражая особому образу жизни. Наконец, отец самостоятельно взялся за изучение английского языка, в чем достаточно преуспел. Когда в предвоенный и послевоенный период нам довелось жить в одной квартире с людьми, побывавшими в США, отец мог на бытовом уровне беседовать с ними на английском языке.

Кроме основной служебной деятельности отец много времени уделял общественной работе. С 1934 по 1940 год он связал свою судьбу с Сокольнической Кавалерийской школой Осоавиахима, в которой работал сначала в качестве инструктора-преподавателя, затем командира отдельного эскадрона постоянного формирования и, наконец, в качестве начальника штаба кавшкола. Практически три раза в неделю из министерства после пяти часов он ехал в кавшколу и только в одиннадцатом часу возвращался домой. Зарплаты он там не получал. Но ему выдавали военное обмундирование, периодически выдавали премии, награждали ценными подарками. Главным же было увлечение любимым делом, осознание своей полезности.

Отец знал себе цену

Отец от природы был умным, проницательным, способным человеком. Он обладал прекрасной памятью, логикой и чёткостью выражения своих мыслей. Всегда был любознательным, стремился расширять свой кругозор, интересовался множеством вопросов от различных технических и научных проблем до политики и философии. Кроме того, он был профессионал и хорошо знал своё дело. Цену себе он тоже знал. И вот судьба сложилась так, что этот умный, знающий, трудолюбивый, добросовестный человек не сумел получить официального образования, а главное, не обладал

формальным документом. Кроме того, как я уже говорил, он был исключён из партии. И для него жизнь, во всяком случае, общественная жизнь, остановилась. Он застыл на стадии зоотехника-практика. Люди с документами об окончании институтов, с партбилетами в кармане, но менее способные, стали обходить его по служебной лестнице, становиться его начальниками.

И в этих условиях кавалерийская школа стала какой-то отдушиной. Там он выглядел, хоть небольшим, но всё же начальником. Он принимал какие-то решения, осуществлял свои планы, сам организовывал и обучал людей и получал от этого удовлетворение. Внутренняя игра продолжалась, но теперь уже в ином качестве. Это был уже не англоман. Он чувствовал себя военным, чувствовал себя командиром. Отец стал носить форму. И таким я его помню всю свою сознательную жизнь.

По мере того, как я подрастал, отец стал уделять мне больше внимания...

По мере того, как я подрастал, отец стал уделять мне больше внимания. С ранних лет я начал кататься на лыжах и на коньках. Когда достаточно прочным становился лёд на пруду, взрослые очищали небольшой участок от снега, и получался миниатюрный каток. Сначала коньки прикручивались к валенкам, потом мне купили коньки с ботинками. Помню, как отец показывал и обучал меня кататься на коньках. Чуть позже, когда мне было лет 6–7, мы с ним совершали лыжные прогулки по Петровскому парку. Он не делал мне снисхождения, и я, взмыленный, выбиваясь из сил, старался не отставать от него.

Отец стремился расширить мой кругозор. По роду своей работы он регулярно ездил в командировки, прилично знал географию. Он объездил всю страну, кроме Дальнего Востока, хорошо знал Центральную Россию, Украину, Закавказье, Среднюю Азию. И всегда стремился вывезти на лето нас с мамой. Но тут он упирался в несокрушимую стену. Мама боготворила Тамбов, где прошло её детство и жили моя бабушка и другие родственники. Каждое лето с начала июня и до конца августа я с мамой жил у бабушки. Мне всё же дважды посчастливилось попутешествовать с отцом. И эти поездки сблизили нас.

Отец лелеял надежду, что я пойду по его стопам...

Говоря о моём будущем, желая выявить мои стремления и наклонности, в душе своей отец лелеял надежду, что я пойду по его стопам – буду занят в сфере коневодства. Но когда мне исполнилось 14 лет, он понял несбыточность своих желаний и окончательно убедился, что конником я не буду никогда. Очевидно, время сделало своё дело. В век машин городскому мальчишке возвращаться назад к лошади было не-

сподручно. Но отцовская военная жилка, видимо, задела во мне крепко. Вне армии я плохо представлял своё будущее. Колебания имели место только в рамках родов войск. Когда начали открываться аэроклубы, я захотел стать лётчиком, потом у меня появилось желание стать танкистом. Затем, когда шефом нашей школы стало пограничное училище, расположенное около Белорусского вокзала, и мы частенько ходили туда на концерты, мне захотелось пойти в погранучилище.

В начале лета 1940 года по решению Правительства открываются военно-морские специальные школы в семи городах страны, в том числе и в Москве. Что такое спецшколы, я уже представлял. В 1937 году в столице появились первые артиллерийские спецшколы, а в 1939 году и авиационная спецшкола. Дошёл черёд и до Военно-морского флота. Приём осуществлялся одновременно в 8–9-й и 10-й классы. Необходимо было представить заявление, аттестат об окончании (без троек) семи классов, пройти медицинскую комиссию. Соблазн был велик, тем более, что окончившие военно-морские спецшколы поступали в училища, которые давали высшее образование.

Решать предстояло мне...

Отец высказал, какие он видит преимущества, но никакого давления не оказывал. Решать предстояло мне. И я принял первое в жизни самостоятельное решение, но оно определило всю мою дальнейшую судьбу. Родители дали своё благословение.

Написать заявление было делом простым. А потом начались сложности. Учебный год в 7-м классе я закончил в целом неплохо, но по немецкому языку и алгебре у меня были тройки. Поступить с двумя тройками было немислимо.

За дело взялся отец...

За дело взялся отец. Блата в школе у нас не было. Понятия о взятках тоже не было, да и давать было нечего. О чём говорил отец с директором школы, я не знаю, но слава Богу, что есть на свете люди, которые могут перешагнуть через формальности. Отец принёс домой мой аттестат, в котором не было троек.

Первый рубеж был взят. На очереди была медицинская комиссия. Физически я был достаточно развит. Любил лёгкую атлетику, хорошо катался на лыжах и коньках, увлекался велосипедом, умел плавать и часами играл в футбол. Но стал замечать, что у меня ухудшилось зрение. И вот на комиссии в Военно-морской поликлинике, которая за год до этого открылась на Крымской набережной, было зафиксировано, что зрение моё 0,7 на каждом глазе, что является низшим пределом для поступления в училище. При высоком

конкурсе, это могло привести к печальным последствиям.

Впереди оставалось не менее важное – мандатная комиссия, которая являлась решающим и заключительным звеном. И тут большую роль сыграл отец. Мандатная комиссия состояла собственно из двух человек – военного руководителя спецшколы, лейтенанта Эндзелина, и старшего политрука Дубровского. Вошли мы в огромный кабинет, в дальнем конце за столом сидели оба руководителя. Вдруг, к моему удивлению, отец начал печатать строевой шаг и, подойдя к военруку, громко и чётко стал докладывать, что он, начальник штаба Сокольнической кавалерийской школы, и его сын на мандатную комиссию прибыли.

Я оторопел и испытал чувство досады и унижения. Это не было характерно для отца. Он всегда был достаточно независим, держался с достоинством, никогда не холуствовал, ни перед кем не лебезил. И вдруг такой пассаж. Но зато, как я почувствовал, и Эндзелин и Дубровский оценили и военную выправку отца, и чёткость доклада, и его определённое служебное положение. Расчёт был верным. Руководители спецшколы, надо думать, сделали вывод, что у такого отца должен быть дисциплинированный, приученный к порядку сын, несущий в себе какие-то положительные задатки для предстоящей военной службы.

Так или иначе, но скоро мы узнали, что меня зачислили учеником третьей роты (8-й класс) Московской военно-морской специальной школы. Для меня начиналась новая жизнь. Большую роль в этом сыграл отец.

В домашних делах отец участия не принимал...

В хозяйственных, домашних делах отец участия не принимал, за некоторым исключением. Когда мы жили на Новой Башиловке, где начинался Петровский парк, мы фактически были лишены всех городских удобств. Не было водопровода, за водой приходилось ходить к колонке, расположенной в полукилометре от дома, на Верхней Масловке. Не было канализации, туалет располагался во дворе, метрах в ста от дома. Не было центрального отопления, были печки и плита, отапливаемые дровами. Тем более не было телефона. Из всех коммунальных услуг, или, как тогда говорили, «удобств», было лишь электрическое освещение. Так вот отец считал себя обязанным осенью обеспечить на зиму семью дровами, т.е. обеспечивал их привоз, пилил, колот и укладывал в сарае. Замазывал на зиму окна. Все остальные вопросы, связанные с ведением домашнего хозяйства, его не касались. Это было уделом мамы и няни.

Война разлучила с
семьей

Когда началась война, мне было 16 лет. Отцу исполнилось 46 лет. Ни по возрасту, ни как работник министерства, имеющий бронь, он не подлежал мобилизации. Наша семья не пережила того, что переживали сотни тысяч семей, когда их родные и близкие уходили на фронт. И тем не менее вскоре мне пришлось расстаться с родителями. В труднейшие для столицы дни, в середине октября 1941 года, когда началась массовая эвакуация учреждений и населения Москвы, я в составе Военно-морской специальной школы в эшелоне отправился в Ачинск, а родители, в эту же ночь с 16 на 17 октября, на грузовой машине двинулись в Казань, а затем оттуда поездом в Омск. Моё путешествие длилось 17 дней, их мытарства около трёх месяцев. С тех пор мы фактически вместе уже не жили. Родители потом вернулись в Москву. А моя флотская судьба отлучила меня от отчего дома надолго. Правда, и в годы войны, и тем более в послевоенные годы я приезжал к родителям в отпуск, иногда они навещали меня, но это были уже кратковременные свидания.

В военные и послевоенные годы отец продолжал работать в Министерстве сельского хозяйства, которое много раз реорганизовывалось. Постоянной и стабильной заботой отца оставалось участие в развитии коневодства. Однако начало сдавать подорванное войной здоровье. Напряжённая работа, плохое питание, а очевидно, и двукратное пребывание в тюрьме, сделали своё дело: в 1947 году отец заболел туберкулёзом, сначала лёгких, а затем и горла. Спасло его на том этапе открытие стрептомицина, которым лечили в соответствующих санаториях. После лечения ещё в течение десяти лет отец продолжал работать. В июне 1957 года, когда отцу было 62 года, его по состоянию здоровья проводили на пенсию.

Не успеть
прочитать...

Последние четыре года своей жизни он проводил дома. Иногда выходил во двор с раскладным креслом, сидел под сенью деревьев, разговаривал с соседями. Но в основном его время было заполнено чтением. Читал он запойно. Ходить почти не мог, ему тяжело было дышать. Излюбленным местом был диван, на котором он с неизменной книгой в руках провёл остаток своей жизни. Помню, как-то попросил достать ему в библиотеке книгу Юрия Германа «Россия молодая». Какое-то время книги не было, и однажды он с беспокойством высказал мысль, что не успеет её прочитать. Прочитать её он успел, но прожил после этого всего несколько недель. Даже теперь, когда прошёл не один десяток лет, я вспоминаю тот разговор. Не успеть прочитать! Не потому, что какое-то другое событие помешает это-

му, не потому, что ты, например, уедешь в командировку или в отпуск, не потому, что какие-то срочные дела отвлекут тебя от выполнения задуманного плана. А не успеть потому, что тебя самого уже больше никогда не будет. Само по себе это страшно. И в то же время сам факт – это последняя дань Книге и признание её роли в жизни человека.

Отец умер 6 октября 1961 года.

Я с благодарностью вспоминаю всё, что сделал для меня отец. Мысли уносятся в далёкое прошлое. Из разрозненных воспоминаний воссоздаётся цельный и чёткий образ человека, самыми сильными и глубокими чертами которого были: ясный ум, логика суждений, целеустремлённость, порядочность и высокая работоспособность. Смею надеяться, что эти отцовские качества оказали большое воздействие и на меня, и на моего сына.

(Продолжение следует)

